

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Смерть стала для него
лучшим выбором

Избыточная мотивация

Чингиз Акифович Абдуллаев

Избыточная мотивация

Серия «Абдуллаев. Мастер криминальных тайн»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68303239
Избыточная мотивация: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-175002-2*

Аннотация

Такое преступление никогда не могло бы произойти в Америке, Европе или России. Это чисто восточное убийство.

Самира погибла так глупо и обидно! Совсем молодая женщина. Сорвалась со скалы...

Ее муж Этибар раздавлен горем. Он не может простить себе, что позволил жене одной пойти в горы и не предупредил несчастье. Но кто мог предвидеть столь жуткий конец? Тропинка – совсем безопасная, а среди местных каждый знал Самиру, никто не посмел бы ее обидеть.

И тут как гром среди ясного неба: это не несчастный случай. Самиру **СТОЛКНУЛИ**.

Кроткая, безгрешная, почти святая девушка – за что же так жестоко поступили с ней? Дикая, необъяснимая история.

Знаменитый эксперт Дронго едва начал изучать ближайшее окружение убитой, как к нему обратился неопрятный опустившийся тип по имени Гулам. Незнакомец намекнул, что видел, кто именно столкнул девушку со скалы. Но эта информация настолько невероятная, настолько чудовищная, что Гулам согласится раскрыть ее только за очень, очень большие деньги...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	32
Глава четвертая	45
Глава пятая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Чингиз Акифович

Абдуллаев

Избыточная мотивация

«Я готов поверить, что каждый из нас имеет своего ангела-хранителя, но в таком случае и вы должны согласиться со мной – к каждому из нас приставлен черт».

Джозеф Конрад. «Лорд Джим»

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Землей на страшный господень суд.

Но нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род,

Если сильный с сильным, лицом к лицу, у края земли встает».

Редьярд Киплинг. «Баллада о Западе и Востоке»

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память

ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Абдуллаев Ч. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Глава первая

Иногда возвращаешься в свой родной город и с некоторым удивлением замечаешь перемены, которые в нем произошли. И если эти перемены украшают твой город, то ты невольно испытываешь радость и удовлетворение от осознания возникающей красоты и в то же время чувство некоторой ностальгии из-за утраченной старой атмосферы города, из-за того, что изменились его улицы, кварталы, площади, которые уже невозможно узнать.

Дронго прошел в парк, находившийся перед зданием музея литературы. В далеком детстве он часто играл в этом парке. Тогда вокруг парка росли ветвистые деревья, красивым полукругом окружавшие стоявший в самом центре парка памятник великому поэту Низами Гянджеви.

Памятник по-прежнему находился на том же месте, а вот густой листы уже не было. И теперь вокруг памятника полукругом возвышались редкие деревья, которые изрядно испортили общее впечатление о памятнике и прилегающей к нему территории.

Дронго сидел на скамье, когда увидел подходившую молодую женщину, одетую в серое полупальто. Он пригляделся. Кажется, он никогда раньше ее не встречал. На вид ей около тридцати, чуть выше среднего роста. Темные волосы, одутловатое с крупными чертами лицо, глаза немного навязывают.

Кого-то она ему напоминала или это ему только кажется?

Женщина явно направлялась к нему. Она подошла ближе, и Дронго привычно поднялся, когда она к нему обратилась.

– Извините, что я вас беспокою. Вы ведь тот самый эксперт с таким необычным именем Дронго?

– Меня так называют, – подтвердил он.

– Даже если бы я вас не узнала, то могла бы догадаться, – улыбнулась незнакомка. – Во-первых, у вас запоминающаяся внешность. Во-вторых, высокий рост. А в-третьих, манера вставать при разговоре с незнакомыми женщинами.

– В Баку уже не встают при разговоре с женщинами? – удивился Дронго. – Значит, в этом городе что-то изменилось гораздо больше, чем я предполагал.

– Не все и не всегда, – усмехнулась женщина.

– Жаль, – поморщился он. – Исчезают хорошие традиции. Кажется, мы никогда раньше с вами не виделись?

– Нет, не виделись. Но я знаю, что вы часто приходите в этот парк, когда бываете в городе. Я обратила на вас внимание, еще когда вы спускались к парку от здания Баксовета.

– Странно, что я вас не заметил.

– Я была на другой стороне улицы. Просто увидела вас издалека. Я же говорю, что вас сложно не заметить.

– Все равно я должен был обратить внимание на человека, который так пристально на меня смотрит. Похоже, теряю квалификацию, – с притворной грустью заметил Дронго. – И вы меня сразу узнали?

– Разве вас можно с кем-то спутать? Я же говорю, с вашим ростом, разворотом плеч и такой запоминающейся внешностью.

– Надеюсь, что это комплимент.

– Конечно, – улыбнулась она.

– Как вас зовут?

– Наиля. Извините, что не представилась. Наиля Керимова.

– Садитесь, – предложил Дронго. И дождавшись, когда она сядет, уселся рядом. – Значит, вы знали, что я часто бываю в этом парке, – уточнил он.

– Конечно, знала. За нашей спиной здание «Монолита». Это здание всегда так называли. А в нем жили мои родители, которые рассказывали мне, что в детстве вы часто играли в этом парке. Во всяком случае, с младшей сестрой моего отца.

– Как звали сестру отца?

– Рафига Керимова. Она сейчас главный врач четвертой больницы. Может быть, вы ее помните.

– Конечно, помню. А ваш отец? Он был, кажется, намного старше сестры?

– На восемь лет. Самед Керимов.

– Теперь я понял, на кого вы похожи. На своего отца и немного на свою тетю.

– Все так говорят, – улыбнулась Наиля.

– Да, я его хорошо помню. Он жив?

– Нет. Умер в прошлом году. Обширный инфаркт. У него всегда было больное сердце. Мой дед тоже умер из-за инфаркта и в относительно молодом возрасте.

– Примите мои соболезнования. Ваш отец был хорошим человеком.

– Я знаю. Он часто вспоминал про вас. Рассказывал разные смешные истории. Он частенько забирал младшую сестру из детского сада. Восемь лет в детстве большая разница. И он помнил вас еще по детскому саду, который находится чуть выше «Монолита». Сейчас в вашем бывшем детском саду иранское посольство.

– Верно, – усмехнулся Дронго.

– Моя тетя тоже часто вас вспоминала.

– Жаль, что мы так мало общались в последние годы, – пробормотал Дронго. – Иногда даже не замечаешь, как летят годы. Хотя наши годы с вами совсем не равны.

– В смысле насыщенности событий? – невесело уточнила Наиля.

– Нет. В смысле относительности возрастов. Мой год пролетает примерно в два раза быстрее, чем ваш. Мой только один из пятидесяти, тогда как ваш год один из тридцати. Поэтому в детстве время тянется так долго. Когда один год из десяти или пятнадцати. А в старости ваш год один из семидесяти или восьмидесяти. И он, конечно, гораздо короче детского. Все относительно...

– Интересно. Никогда об этом не думала.

– А вы подумайте. Сколько вам лет? Около тридцати? Самый лучший возраст для подобных размышлений. Хотя на самом деле мы начинаем задумываться об этом после пятидесяти.

Женщина промолчала. Было забавно то, что он говорил, но не очень интересно. Сказывался другой возраст. Даже в тридцать не так часто задумываешься о жизни, как в пятьдесят.

– Теперь расскажите, почему вы подошли ко мне и почему обратили внимание на меня, когда я спускался вниз к парку.

– Мне нужно с вами переговорить, – призналась Наиля. – И я хотела с вами встретиться. Даже искала номер вашего телефона в записных книжках отца. Потом попыталась узнать номер вашего телефона у тети, и она мне его дала, но я не смогла до вас дозвониться. Вы не отвечали на мои звонки.

– Все правильно. Я не отвечаю на незнакомые телефонные звонки.

– Я так и подумала. А два дня назад я случайно узнала, что вы будете в городе на свадьбе своего родственника. Она ведь состоится завтра. Я тоже приглашена туда вместе с мужем и решила встретиться с вами на свадьбе. Но сегодняшняя встреча была абсолютно случайной. Просто я обратила внимание на вас, когда поднималась по улице. А вы как раз спускались.

– Такая случайная встреча.

– Я даже не поверила своим глазам. Видимо, иногда такие

совпадения случаются.

– И по какому вопросу вы хотели меня увидеть?

– Я думала, вы сможете нам помочь.

– В каком смысле?

– Сейчас объясню. Несколько месяцев назад погибла наша подруга Самира. Мы, несколько человек, все вместе учились в университете в одной группе. Мы уже успели отметить сорок дней со дня ее смерти. Еще полтора месяца назад. Поминки были в Баку. В общем, все как полагается. Она погибла так глупо. Обидно, совсем молодая женщина. Сорвалась со скалы. Разбилась насмерть. Ужасная трагедия. Все страшно переживали.

– Представляю. Если она с вами училась, значит, была примерно одного возраста с вами.

– Вот именно. И мы все очень переживали, – повторила она.

– А потом появились какие-то обстоятельства, о которых вы раньше не знали, – закончил за свою собеседницу Дронго, – и вы решили срочно меня найти.

– Откуда вы знаете? Вам уже кто-то звонил?

– Догадался. Иначе вы бы не вернулись обратно за мной в парк. Ведь завтра мы с вами все равно могли увидеться на свадьбе. Хотя на наших свадьбах сложно найти нужного человека, учитывая количество приглашенных. Но вы решили поговорить со мной без свидетелей.

– Правильно. В общем, когда в мечети «Таза пир» отме-

чали сороковой день, одна наша подруга стала шепотом рассказывать, что на самом деле Самира не упала, а ее столкнули со скалы. И даже есть свидетель, который это видел. Представляете, какой ужас. Мы все были в таком состоянии, даже не знали, как себя вести и к кому обращаться. Потом попросили мужа одной из наших девочек негласно проверить обстоятельства гибели Самиры. Он работает в прокуратуре республики заместителем начальника управления. Но он так нам ничего и не сказал.

Дронго слушал не перебивая.

– И тогда моя тетя вспомнила про вас, – продолжала Наиля. – Сказала, что только такой эксперт, как вы, сможет разобраться в причине смерти нашей подруги.

– У Самиры была своя семья?

– Да, конечно. Детей не было, но муж был. Он ее очень любил. Отец, мать, брат, две сестры, свекор, свекровь, две золовки. В общем, большая семья, и все были в шоке. А теперь еще выяснилось, что она упала не случайно, а ее намеренно кто-то столкнул. Такое дикое преступление...

– Она не могла упасть сама?

– Не думаю. Они с мужем вообще спортивные люди. Поднимались в горы, занимались горнолыжным спортом, ходили в походы. Поэтому и странно, что она свалилась. Она была физически подготовленным человеком. И вот такое нелепое падение, когда они были в горах.

– Они жили в районе?

– Нет, в городе. Сама из довольно известной семьи. Ее отец Бахрам Мурадбеков долгие годы работал начальником главного управления в министерстве экономики. А его брат Маир Мурадбеков, ее дядя, был даже министром сельского хозяйства. И свекор – Микаил Хаквердиев, уважаемый и известный человек, раньше работал руководителем одного из районов Гянджи, а сейчас глава исполнительной власти в соседнем районе, в Исмаиллах. В общем, все солидные люди...

– Которые не могут разобраться со смертью своей родственницы, – подвел неутешительный итог разговора Дронго.

– Получается так, – печально согласилась Наиля. – И мы подумали, что такой известный сыщик, как вы, мог бы нам помочь.

– Вы считаете, что у меня так много времени?

– Не знаю, – растерялась Наиля. – Но все говорят, что вы известный специалист. И моя тетя сказала, что вам, наверно, будет интересно расследовать это странное преступление. Она рассказывала, что вы и в детстве были очень внимательным и наблюдательным мальчиком. Говорила, что, пока другие гоняли мяч или играли в казаки-разбойники, вы сидели с книгами. А если играли, то вас всегда выбирали атаманом, так как вы были по своей натуре настоящим лидером. А еще умели придумывать разные хитроумные комбинации.

– Ваша тетя просто ко мне хорошо относилась, – пробормотал Дронго, улыбнувшись. – Признаться, я планировал

остаться здесь на целую неделю. Так что время у меня есть. Может быть, действительно стоит проверить, почему упала со скалы ваша подруга. Где это произошло?

– В районе. В Габале. Там, где жили родители ее мужа.

– Хорошие места, – заметил Дронго. – Прекрасное место для отдыха. И там есть горы и скалы, с которых можно сорваться. Я там бывал несколько раз. Семья мужа Самире из Габалы?

– Нет. Но у них там большой дом, где они живут и отдыхают. Переехали туда, когда Микаил-бей, ее свекор, получил назначение в Исмаиллы. Это район рядом с Габалой...

– Вы так подробно рассказываете, как будто я приехал из другой страны и вообще ничего не знаю. Конечно, мне известно, где находятся Исмаиллы. Особенно хорошо там бывает летом, когда вокруг зелень. Там еще есть удивительное высокогорное место – Лагидж, в котором я тоже был, хотя очень немногие туда поднимались. Там изготавливают удивительное оружие, а мастера по чеканке передают секреты своего мастерства следующим поколениям. В общем, здесь все понятно. А кем работал муж вашей подруги?

– Этибар? В Министерстве экологии. Заместителем начальника отдела. А сама Самира была филологом, как и я, но работала в нашем педагогическом институте вместе с моей родственницей.

– Давно Самира и Этибар были женаты?

– Уже лет семь. Может быть, немного больше. Они были

такой чудесной парой.

– И в Габалу они приезжали к родственникам мужа?

– Да, на выходные.

– Вы не допускаете мысль, что ее падение может быть обычным несчастным случаем? Ведь такое количество известных родственников, включая ее мужа, просто не позволило бы замаять историю с ее убийством, если таковое действительно имело место.

– Я тоже об этом думала. Но вы ведь знаете наши нравы. Никому не позволено обсуждать семейные тайны и влезать в чужие дела. И вообще, в каждой семье есть свои «скелеты в шкафу». Об этом упоминается в любом хорошем детективе.

– Вы много читали подобной литературы? – усмехнулся Дронго. – Вам не кажется, что в жизни все бывает немного иначе, чем в книгах.

– Может быть, – согласилась молодая женщина. – Но именно поэтому так важно проверить обстоятельства гибели Самиры.

Дронго посмотрел на памятник, который видел сотни раз в детстве, оглядел изменившийся парк, взглянул на свою собеседницу. В конце концов, он может съездить в Габалу. Говорят, что город невероятно изменился за последние годы. Будет даже интересно побывать там.

– Хорошо, – согласился Дронго. – Я поеду и попробую узнать, что там случилось. Но учтите, что мне нужно получить согласие семьи погибшей на расследование обстоя-

тельств смерти Самиры. Иначе мои действия будут выглядеть как вмешательство в чужую семью. И если семья не позволит, я никуда не поеду. Все-таки нужно уважать местные традиции.

– Разумеется, – согласилась Наиля. – Сначала нужно будет получить согласие ее мужа и ее отца. Хотя они не против. Ее отец даже собирался найти вас и попросить о помощи. Он говорил об этом в присутствии наших родственников. Если разрешите, я передам номер вашего телефона ее отцу.

– И я должен поверить, что вы меня случайно увидели? – иронично осведомился Дронго на прощание.

– Абсолютно случайно, – подтвердила Наиля. – Хотя на самом деле я вас, конечно, искала.

Он кивнул, соглашаясь с ней. И даже не подозревая, что это расследование станет одним из самых запоминающихся в его жизни.

Глава вторая

Восточные свадьбы имеют свой особый ритуал и свои традиции, которые соблюдаются на протяжении многих лет. И отличаются своей многолюдностью, так как считается нормальным приглашать на подобное торжество несколько сотен родственников и друзей. Для таких пышных застолий выстраиваются настоящие дворцы, которые вмещают несколько сотен гостей. И кухни строят соответствующие. На них могут одновременно готовить невероятное количество еды для всех присутствующих. Блюда сменяются одно за другим, и никого не удивляет, если на столах в течение вечера сменяются до семи-восьми горячих блюд, приготовленных из курицы, рыбы, говядины и, конечно же, баранины, из которой готовится не менее половины всех поданных угощений.

На бакинских свадьбах обычно не бывает свинины, даже в том случае, когда молодые – православные христиане или католики. Понятно, что мусульмане и иудеи обычно не употребляют в пищу свинину, и ее отсутствие на столах связано не столько с религиозными факторами, сколько с традициями, ибо большинство гостей не едят свинину. Очевидно, запреты имеют под собой и практическую пользу, так как приготовить и сохранить блюда из свинины на пятьсот-шестьсот человек в летние месяцы сложно. Подобные запреты су-

ществовали в жарких странах, позволяя избегать эпидемий из-за употребления скоропортящегося свиного мяса, которое невозможно было сохранить в условиях сорокаградусной жары.

Дронго сидел за столом, наблюдая за сменой блюд. Разумеется, спиртное подавалось в неограниченных количествах, но на Кавказе считается неприличным напиваться до бесчувствия, так как это выдает мужскую несостоятельность индивида, который не может себя проконтролировать и тем самым позорит своих родных и близких.

Во время свадьбы разрешается выходить и входить в большой зал, пользуясь тем, что проконтролировать перемещение нескольких сот человек практически невозможно. Дронго поднялся и вышел в просторный холл. Обычно мужчины выходили в холл покурить, но после принятия строгих законов, запрещающих употребление табачных изделий в помещениях, приходилось выходить на улицу. Женщины же курили в туалетах. Несмотря на относительную свободу и развитие светского государства, женщины не рисковали дымить сигаретами в присутствии посторонних мужчин даже на улице.

Дронго наблюдал за перемещениями гостей. Мужчины спешили на улицу, некоторые женщины – в туалетную комнату.

Он с интересом рассматривал помпезно-вызывающую архитектуру этого своеобразного дворца, в котором одновре-

менно в двух залах могло разместиться более полутора тысяч человек. Огромные люстры в сотни свечей, сделанные на заказ, аляповатые потолки, большие зеркала, лепнина – было такое ощущение, будто здесь работали самые эклектичные архитекторы города, которые позволили себе подобное нагромождение стилей.

– Извините, – услышал он за спиной голос и обернулся.

Перед ним стояла молодая женщина лет тридцати пяти. Среднего роста, шатенка, с красиво уложенными волосами. Скуластое лицо, большие запоминающиеся глаза, нос с симпатичной горбинкой. Над губой была небольшая родинка, придававшая незнакомке особый шарм. Она была в платье изумрудного цвета. Женщина улыбнулась.

– Вы тот самый известный эксперт, о котором так много говорят? – спросила она.

– Не знаю, насколько много и какой я известный, – ответил он.

– Вас сложно с кем-то спутать, – пояснила женщина. – Вы ведь Дронго? Так, кажется, вас называют.

– Меня обычно так и называют, – подтвердил он.

– Очень приятно, – она протянула руку. – А я Эльвира. Давно хотела с вами познакомиться. Мне сказали, что вы будете на свадьбе, и я искала вас среди гостей. Но здесь так много людей, что отыскать вас за одним из многочисленных столиков практически невозможно.

– Но вы сумели меня отыскать.

– Когда вы вышли в холл, – пояснила Эльвира. – С вашим ростом вас сложно не заметить. К тому же у вас очень запоминающаяся внешность.

– Для эксперта-детектива это не лучший комплимент, – заметил Дронго. – Причем я слышу подобный комплимент уже во второй раз, что меня не очень радует.

– Наверно, – еще раз улыбнулась женщина. – Но зато интересно. Можно вычислить нашего знаменитого земляка, о котором так много говорят в Европе. Я даже читала, что вы можете по внешнему виду определять характер человека, его наклонности и привычки.

– Это умел делать Шерлок Холмс. Да и то только в книгах и фильмах, – меланхолично заметил Дронго. – А я обычный человек. Возможно, не самый скромный, но просто нормальный.

– И все рассказы о ваших расследованиях всего лишь выдумки журналистов? – не поверила Эльвира.

– Во всяком случае, в них много различных преувеличений, – признался Дронго. – Но людям нравятся красивые сказки и увлекательные истории. Поэтому они с удовольствием читают различные истории про сыщиков, среди которых они отмечают и своего земляка, как вы изволили заметить.

– Не совсем, – возразила Эльвира. – Я работаю в нескольких местах: в педагогическом институте и в международном информационном центре. И часто бываю в Казахстане и на

Украине. Вы даже не можете себе представить, какой популярностью вы там пользуетесь. Про вас рассказывают удивительные истории.

– Я же говорю, что людям нравятся сказки, – напомнил он.

– И все ваши расследования тоже выдумки журналистов? – не унималась Эльвира.

– Нет, – сказал Дронго. – Иногда мне удавалось вычислить преступника или помочь в его задержании.

– Спасибо, что признались, – рассмеялась женщина. – Мне всегда хотелось с вами познакомиться. Очень интересно узнать, как именно вы разговариваете, как общаетесь, даже как мыслите. Ваши привычки и ваши пристрастия.

– Не знал, что кому-то интересны мои пристрастия, – признался Дронго. – Неужели вам действительно это интересно?

– Ужасно. Я собираюсь написать книгу о наших известных земляках. И вы будете одним из моих персонажей.

– Получится?

– Надеюсь. Я все-таки филолог.

– Не уверен, что смогу вспомнить какие-то интересные истории.

– У вас все истории могут быть интересными. Я слышала, что вы хотите провести расследование смерти Самиры Хаквердиевой.

– Это уже интересно, – несколько удивленно произнес Дронго. – Значит, вы знакомы с Наилей Керимовой?

– Я же говорила, что вы известный эксперт. Как вы смогли

догадаться? Мы ведь совсем не похожи.

– Она больше похожа на своего отца и свою тетю, – вспомнил Дронго.

– Тогда как вы догадались? Она вам сказала, что мы здесь встретимся? Нет, этого тоже не может быть. Ведь я узнала о том, что вы будете на свадьбе, только сегодня днем. Как вы узнали, что мы с Наилей двоюродные сестры?

– Я не знал. Просто сопоставил некоторые факты, – пояснил Дронго.

– Интересно. Каким образом?

– Все очень просто. Я только вчера с ней разговаривал, и она сообщила мне о случившемся несчастье с ее подругой. Очень просила помочь с расследованием. А теперь вы говорите, что я буду проводить расследование, хотя я до сих пор не получил согласия родственников погибшей на изучение обстоятельств ее гибели. Но вы уже знаете обо всем. Отсюда вывод – вы могли узнать об этом только у госпожи Керимовой. Тем более что она сказала мне, что ее погибшая однокурсница работает с ее родственницей. А вы работаете в педагогическом институте и в информационном центре. Все совпало. А то, что она ваша сестра, я, конечно, не знал. Об этом вы сами мне сообщили. Но догадаться, что она рассказала вам о нашей беседе, было совсем не сложно. Кроме нее, никто не знал о нашем разговоре. Поэтому никакой дедуктивный метод я не применял.

– Так просто, – улыбнулась Эльвира. – Тогда понятно.

Кстати, отец погибшей Самиры хотел с вами встретиться. Наверно, завтра он вам позвонит. Если, конечно, вы захотите с ним встретиться или ответить на телефонный звонок. Наиля сказала, что вы не отвечаете на телефонные звонки с незнакомых номеров. Но он вам сначала напишет, а потом позвонит, если вы захотите ответить.

– Когда меня об этом просят сразу две очаровательные дамы, то придется согласиться, – кивнул Дронго. – Только с неизменным условием, что вы никогда и ничего не будете писать. Ненужная реклама мне ни к чему. У меня другая профессия.

– Это я понимаю, – кивнула Эльвира. – Между прочим, у нас в городе есть клуб, где тоже не нужна реклама. – Она почему-то усмехнулась и сказала: – Кстати, я слышала, что у вас было расследование на Мадейре, где вы играли во французский покер.

– Я же говорю, что известность вредит сыщикам, – вздохнул Дронго. – И тем более когда узнают подробности различных расследований.

– А насчет Мадейры правда? – не успокаивалась Эльвира.

– Неужели это так интересно?

– Вы даже не представляете как, – загадочно ответила молодая женщина.

– Честно говоря, я не совсем понимаю, – удивленно произнес Дронго, – при чем тут мое расследование на Мадейре.

– Вы ведь играли там во французский покер, – снова за-

гадочно произнесла Эльвира.

– Кажется, играл, – нахмурился Дронго, не совсем понимая, почему ее интересует именно эта игра.

– Очень забавно, – улыбнулась женщина. – Впервые встречаю мужчину, который признаётся в таком постыдном занятии.

– Почему постыдном? – Теперь уже ему стало весело. – Насколько я знаю, в этой игре нет ничего постыдного. И многие в нее играют.

– Это в других странах, – напомнила Эльвира. – Для подобной игры нужны соответствующая атмосфера свободы и совсем другие нравы. К моему большому сожалению. У нас часто не понимают пристрастия к подобной игре.

– Возможно. Хотя в нее играют по всему миру. Я даже помню скандал с принцем Гарри, внуком нынешней королевы Елизаветы, который играл в подобную игру, кажется, где-то в Аргентине. И его сфотографировали без одежды.

– Никогда об этом не слышала. И чем все это закончилось?

– Сразу несколько тысяч британцев решили его поддержать. Ведь фотографии сделал кто-то из его знакомых, а это было подлостью. И тогда тысячи людей в знак поддержки принца снялись раздетыми и выставили свои фотографии на различных сайтах.

– Я же говорю, что за границей существуют другие нравы и другая атмосфера, – радостно улыбнулась Эльвира. – Но

мы живем совсем в ином государстве и в иной обстановке.

– Простите меня, но я не совсем понимаю, что именно вас беспокоит. Конфуз принца Гарри, моя игра на Мадейре или вообще принятая практика подобных развлечений в западных странах. Кстати, не только в западных. Я слышал, что во французский покер играют в Японии, Китае, Сингапуре, Индии и даже в Грузии.

– Мы сами прекрасно знаем, что у нас совсем другие нравы, – согласилась Эльвира.

– И почему вас так интересует именно эта игра?

– Дело в том, что мы создали подобный клуб в нашем городе, – понизив голос, таинственно сообщила Эльвира и оглянулась по сторонам.

– Я вас не понял. – Дронго сложно было изумить, но у нее получилось.

– Мы создали клуб, где играем во французский покер на раздевание, – пояснила молодая женщина. – Но у нас катастрофически не хватает мужчин.

– Эта большая проблема, – сдерживая смех, согласился Дронго. – Кажется, даже мировая.

– Не нужно смеяться, – строгим тоном попросила Эльвира, еще раз оглянувшись по сторонам. – Мы действительно создали такой клуб, в который входит много женщин.

– На здоровье, – кивнул Дронго. – Только не совсем понимаю, какой интерес играть на раздевание, если в клубе только одни женщины. По-моему, можно просто сходить в сауну.

– В этом и вся проблема, – оживилась Эльвира. – Вы умный человек и сразу поняли, что к чему. Конечно, глупо собираться одним женщинам и играть в такую игру. Да еще и в нашем городе. Но где найти порядочных, выдержанных и нормальных мужчин? Это ведь огромная проблема. Не так просто пригласить в клуб кого-то из представителей нашего сильного пола. Практически невозможно. Понимаете почему?

– Примерно понимаю, – Дронго теперь уже широко улыбался.

– Ну да, конечно. Представьте кавказского мужчину, который проигрывает и раздевается. Или когда проигрывает кто-то из играющих с ним женщин. Где гарантии, что он будет вести себя прилично? Да еще не станет рассказывать о нашей игре всем своим друзьям? Ведь мужчины любят рассказывать о своих похождениях. А в условиях нашего южного города пригласить мужчину в клуб, где столько известных женщин, в том числе и замужних, означает просто гарантировать себе вселенский скандал. Вы меня понимаете?

– Уже гораздо лучше. И как вы выходите из положения? Переодеваете ваших подруг в мужчин? – пошутил Дронго.

– Вам легко острить, – вздохнула Эльвира. – Я же рассказываю вам не для того, чтобы вас повеселить. Просто мы подумали, что именно такого мужчину, как вы, мы могли бы пригласить в наш клуб на игру.

– Польщен, – кивнул Дронго. – И как долго функциони-

рует ваш клуб?

– Около пяти лет...

– И за это время я первый мужчина, которого вы собираетесь пригласить?

– Конечно, нет, – даже немного обиделась на предположение Дронго Эльвира. – Вы ведь сами сказали, что иначе игра теряет всякий смысл. У нас в клубе играют обычно пять-шесть женщин и двое-трое мужчин. Чтобы обеспечить относительное равенство.

– И где вы берете «недостающий материал»? – ему было действительно смешно.

– Как-то выходим из положения, – притворно вздохнула Эльвира. – Приглашаем иностранцев, сотрудников различных зарубежных компаний или посольств, наших актеров, художников, всякую богему. Обычно женатых или известных людей, которые не будут молоть языком. Но «материала», как вы выразились, очень мало. Катастрофически не хватает мужчин... – Она не выдержала и громко рассмеялась. Проходившая мимо пара удивленно взглянула на них.

Дронго рассмеялся следом.

– И теперь мы хотим пригласить именно вас, – закончила свою мысль Эльвира.

– Ну да, понятно. Я, кажется, соответствую всем вашим критериям. Женатый, известный, неболтливый и уже играющий в этот чертов покер. Ничего не перепутал? Просто идеальный кандидат?

– Вы прекрасно меня поняли, – кивнула Эльвира. – Даже обидно, что раньше мы вас не приглашали в клуб. Я ведь недавно узнала про ваше расследование на Мадейре. Говорят, что вы искали там какую-то известную куклу. Это была настоящая кукла или так журналисты называли какую-то даму?

– Это была уникальная кукла, – вспомнил Дронго.

– Об этом написали португальские газеты, а потом перевели английские. И кто-то из наших прочел.

– Я пытался раскрыть преступление, – возразил Дронго. – Но я хочу вам напомнить, что здесь не Мадейра. И дело не в погоде. Там многие купаются в море, загорают на пляжах топлес. И подобное считается нормальным, что совсем недопустимо на местных апшеронских пляжах. Или вы этого не знали?

– Еще скажите, что нам нужно купаться в мусульманских купальных костюмах «буркини», – также весело возразила Эльвира. – Но если вы боитесь...

– Ужасно боюсь, – пробормотал он. – И даже не представляю, как можно согласиться на подобные «эксперименты» в нашем южном городе. Это вам не Марбелья и не Ницца. Легко могут убить. Вы действительно не понимаете, насколько опасно приглашать людей на подобную игру?

– Я и не думала, что вас так легко напугать.

– Это уже вызов, – весело отреагировал Дронго. – Но я обещаю подумать.

– Подумайте. Может быть, согласитесь. Где мы еще найдем такого идеального кандидата для игры в покер? Ой, кажется, там меня ищут. Я должна идти. Так вы согласны?

– Расследовать причину смерти подруги вашей сестры или играть с вами во французский покер?

– И то, и другое, – не тушуясь, заявила молодая женщина. – Извините, я уже должна вернуться к своим друзьям. Мы договорились?

– Не понимаю... – начал было говорить Дронго, но Эльвира поспешила в зал, помахав ему на прощание ладонью.

Дронго покачал головой. Кажется, цивилизация развивается гораздо быстрее, чем мы думаем. Он помнил, как еще в конце семидесятых в Баку смеялись над поступавшими в продажу прибалтийскими газетами, где печатались откровенные сообщения о поисках друга или подруги. Тогда казалось, что подобное будет немыслимо в южных республиках. Но прошло только тридцать лет, и все кардинально изменилось. Хотя почему только на Кавказе? В католической Испании, где еще в девятнадцатом веке сжигали еретиков, уже в двадцать первом были разрешены однополые браки. Сложно было предсказать, чем обернется подобная унификация и стандартизация, а также как изменятся моральные нормы. Дронго вспомнил о давней статье в московской «Литературной газете», рассказывающей о том, как группа советских туристов, посетившая в Германии сауну, увидела раздетую женщину, и один из туристов с дикими криками «Ва-

ся, это провокация» бросился вон из сауны. Даже в двадцать первом веке совместные немецкие и скандинавские сауны казались чем-то предосудительным и почти невысказанным в бывших советских республиках, за исключением прибалтийских стран, где всегда были более свободные нравы.

Дронго отправился в зал. Он был почти уверен, что этот шуточный разговор не будет иметь продолжения. Но про расследование он помнил, сознавая, что в подобных вопросах шуток не бывает. И уже утром следующего дня на мобильник поступило сообщение, после которого раздался телефонный звонок.

Глава третья

В сообщении было только два предложения. «Можно Вам позвонить? Это Бахрам Мурадбеков». После чего через минуту раздался телефонный звонок. Дронго сразу ответил.

– Салам алейкум, – услышал он приглушенный голос. С вами говорит Бахрам Мурадбеков. Мне передала ваш номер телефона дочь Самеда Керимова, – сообщил позвонивший. Он назвал ее не по имени, а по имени ее отца. Было понятно, что это человек придерживается старых традиций.

– Да, я в курсе. Она меня предупреждала, – ответил Дронго.

– Как мне к вам обращаться? Господин эксперт? Или по имени-отчеству? Говорят, что вам нравится, когда вас называют каким-то странным, необычным для нашей страны именем.

– Можете называть меня Дронго. Я привык к этому прозвищу.

– Да, я слышал это странное прозвище. Мы хотим попросить вашей помощи. Наша семья. Я уже давно искал ваш номер телефона.

– Понимаю. Я слышал о вашем горе. Примите мои соболезнования.

На азербайджанском языке это звучало как «пусть упокоится с миром». И Мурадбеков традиционно ответил «да упо-

коятся с миром и все ваши близкие».

А затем он добавил:

– Я могу с вами увидаться, господин эксперт?

– Можете, – ответил Дронго. – Скажите, где мы встретимся?

– Давайте в отеле «Мэрриот». Выпьем чаю и поговорим. Вы сможете приехать туда через час? Если хотите, я могу послать за вами машину.

– Не нужно. Я приеду.

– Большое спасибо, – вежливо поблагодарил Мурадбеков.

Необязательно было даже проводить столько расследований или быть особо проницательным экспертом, чтобы прочувствовать боль в голосе отца, потерявшего свою дочь. Неужели действительно кто-то мог столкнуть молодую женщину со скалы? Но для чего? Ограбление? Какое ограбление в горах и тем более в районе, где все друг друга знают? Мечь? Кому могла так насолить эта молодая женщина, чтобы ее убили? Или кто-то из родных ее толкнул со скалы? Нет, времена кровной вражды давно прошли. Может быть, она оказалась ненужным свидетелем какого-то события? То же не очень похоже, какие особенные события могли быть там, в горах? Кто-то забрался туда, чтобы провести секретные переговоры? Бред какой-то. Может, причины в личных отношениях, например ревность мужа? Нужно будет узнать больше об их взаимоотношениях. Какая причина, если ее действительно толкнули? И кто мог это видеть, если до сих

пор свидетеля не нашли?

Дронго оделся и вышел из дома, чтобы пройтись пешком до отеля. Еще сорок с лишним лет назад по градостроительному плану города было решено возвести две большие гостиницы, которые должны были придать центральной площади города законченную симметрию в виде буквы «П», обращенной к морю. И тогда здесь были возведены две многоэтажные гостиницы. С левой стороны площади здание отеля «Новый Интурист», а с правой – отеля «Апшерон». После обретения независимости с центральной площади исчезла массивная фигура Ленина, оба здания старых гостиниц были снесены, и на их месте появились новые отели – «Хилтон» и «Мэрриот Апшерон», органично вписавшиеся на место старых зданий.

Дронго прошагал по бульвару около двух километров и подошел к «Мэрриоту». Мурадбеков его уже ждал. Это был пожилой грузный мужчина лет семидесяти, с абсолютно седой головой и глубокими морщинами, прорезавшими его лицо. Он был одет в строгий темный костюм и белую рубашку с темным галстуком. В руках у него была тяжелая трость. Он ощутимо хромотал при ходьбе. Рядом с ним стоял молодой человек лет тридцати пяти, похожий на отца, только с темными волосами. У него тоже, как и у отца, была крупная голова, уже начинавшие куститься брови и светлые глаза.

– Это мой сын, – указал на молодого человека Бахрам.

– Мовсум, – представился тот, чуть поклонившись.

Дронго пожал руку отцу, затем его сыну, и они прошли в кафе, где уселись за столик.

– Может быть, хотите позавтракать? – спросил старший Мурадбеков.

– Спасибо. Я уже завтракал. Давайте сразу к делу.

– Три чая, – попросил официанта Бахрам.

Чай подавали с вареньем, колотым сахаром и тонко нарезанными ломтиками лимона. По традиции, хозяин встречи деликатно уточнил, будет ли пить чай с лимоном гость и, когда тот ответил утвердительно, ложечкой осторожно положил дольку лимона в стакан Дронго. После чего положил лимон и в свой стакан. Своему сыну он тоже положил в стакан дольку лимона, уже не спрашивая на то его согласия.

– Вы знаете, что именно у нас произошло, – начал Бахрам. – Погибла моя младшая дочь. У меня четверо детей. И все гораздо старше Самиры. Были старше... – поправился он. – Самира была самой младшей, которую мы в семье очень любили; извините за то, что я иногда говорю немного сумбурно. И все так страшно получилось...

– Она сорвалась со скалы, – уточнил Дронго.

– Так нам сказали. Но она бывала там много раз. И никогда не падала. Мы не понимаем, как это могло произойти. Ведь Самира с мужем занималась альпинизмом, они ездили в Швейцарию на отдых, на наш Шагдаг, там спускались с гор на лыжах. Она была хорошо подготовлена и не могла просто так свалиться со скалы. В нашей семье никто особо не

верит, что она сама упала. Может, просто не хочет верить. Но следователь полиции уверяет меня, что она сама упала и разбилась.

– Вы кого-то подозреваете конкретно?

– Нет. Если бы подозревал, то обязательно бы сам и проверил, виноват ли он в смерти Самиры. Но мне некого подозревать. Я вижу, как переживает Этибар. Это ее муж. Он места себя не находит от горя.

– Может, у нее были какие-то знакомые, друзья?

– О чем вы говорите? Какие друзья могут быть у замужней женщины? – сразу встрепенулся Мурадбеков.

«Вот он, местный менталитет», – подумал Дронго, но вслух произнес совсем другую фразу:

– Я не имел в виду только мужчин. Иногда подозреваемой может быть и женщина.

– Которая столкнула мою дочь со скалы? – недоверчиво спросил Бахрам, переглянувшись с сыном. – Мы об этом даже не думали.

– Но вы не верите в ее случайное падение? – еще раз уточнил Дронго.

– Не верим, – мрачно подтвердил Бахрам. – И недавно мы узнали, что в Габале ходят слухи якобы о том, что одну женщину столкнули со скалы. Говорили, что есть какой-то человек, который видел, кто и как столкнул Самиру. Я звонил нашим родственникам, но о нем никто ничего не узнал. Мовсум даже ездил туда, чтобы расспросить людей и найти

возможного свидетеля. Но так его и не нашел.

– Где вы работаете, Мовсум? – уточнил Дронго у молодого Мурадбекова.

– В налоговом управлении, – ответил молодой человек. – Я взял отпуск и целую неделю провел в Габале. Но не нашел этого свидетеля, который мог видеть возможное преступление. Но люди говорили, что кто-то и где-то видел. Хотя ничего конкретного сказать не смогли.

– Вы сами откуда родом? – уточнил Дронго.

– Из Нахичевани, – ответил за сына Бахрам. – А моя жена из Ордубада.

Дронго сумел сдержать улыбку. В Нахичеванской республике даже сами граждане автономии особо выделяли жителей Ордубада, которые считались своеобразной местной элитой. И поэтому Бахрам особо подчеркивал, откуда родом его супруга. Мовсум взглянул на отца, молча спрашивая разрешения задать вопрос. Отец кивнул в знак согласия.

– Разве это имеет какое-нибудь отношение к вашим поискам? – уточнил Мовсум.

– Имеет, – ответил Дронго. – Вы родом не из Габалы, и поэтому вам сложно было разговаривать с местными людьми. И со старейшинами.

Бахрам еще раз переглянулся с сыном, понимая, что эксперт прав. Последняя фраза убедила его больше любых восторженных слов его знакомых в профессионализме гостя.

– Я думаю, вы правы, – кивнул Мурадбеков. – И я хочу

вам сказать, что мы не остановимся ни перед какими расходами, чтобы выяснить истину. Вы меня понимаете?

– Полагаю, что да. Но мне нужно будет и согласие супруга Самиры на подобные поиски. И нужна помощь его семьи. Ведь она живет там.

– Я уверен, что Этибар не будет возражать, – выдохнул Бахрам. – Я с ним уже говорил на эту тему. И еще раз поговорю. И Микаил-муэллим тоже. Вы знаете, как принято в наших семьях. Если мы отдали девочку в их семью, то они отвечают за нее. И, конечно, им тоже больно и страшно за все, что случилось с невесткой.

– Можно узнать об их отношениях? Об отношениях вашей дочери с мужем. Они ведь были женаты уже несколько лет?

– Семь лет и шесть месяцев, – сообщил Мурадбеков. – Мы тогда сыграли пышную свадьбу. Пригласили весь город. Было восемьсот гостей. Ведь соединились две такие известные семьи. Самира познакомилась с Этибаром, еще когда она оканчивала университет. Точнее, мы дали согласие на это знакомство и их встречи. Сначала мы договорились, что дети познакомятся. Ведь я бы не разрешил им просто так встречаться. Но мы современные люди. Пусть молодые познакомятся и сами решают, стоит ли им вместе жить. Я доверял своим детям, они ничего плохого не сделают, особенно мои девочки. Ну а потом Хаквердиевы пришли к нам просить ее руки. Они хорошо жили с мужем. Плохо, что у них

не было детей, но Самира лечилась, и врачи обещали, что она обязательно родит. Тем более что с наследственностью у нас в семье вроде все в порядке. Две мои старшие дочери уже имеют детей. У одной два сына, а у другой две дочери. И еще растёт сын Мовсума, которого называли в мою честь Бахрамом. Но мы все ждали, когда Самире удастся родить.

– Они жили в Баку отдельно?

– Конечно. В своей квартире. В Новом доме рядом с цирком. Отец Этибара купил им там четырехкомнатную квартиру. Этибар его единственный сын, и он все делал для него. Мы не можем пожаловаться на их семью. Самире хорошо встретили в семье Хаквердиевых, – подтвердил Бахрам. – У них все было в порядке.

– Я постараюсь поехать в Габалу как можно быстрее, – сообщил Дронго.

– Хорошо. И Мовсум может поехать с вами. Он возьмет отпуск еще раз и будет вам помогать. Вы можете не останавливаться перед любыми расходами. Мы не самые бедные люди в нашей стране. И насчет вашего гонорара. Назовите цифру, и я готов вам его выплатить прямо сейчас. Без аванса.

– Сначала я должен буду поговорить с супругом вашей дочери. И с его семьей. И желательно с теми, кто работал с вашей дочерью в институте. А уже потом назову вам сумму гонорара и решу, когда именно мы поедем в Габалу. Мне нужно хотя бы два дня на ознакомление с ситуацией.

– Я думал, мы поедем в Габалу прямо сегодня, – не выдер-

жав, вмешался Мовсум и опустил голову, увидев укоризненный взгляд отца. Согласно этикету, он не имел права встречать в разговор без разрешения старшего. И тем более перебивать гостя.

– Мне нужно сначала переговорить кое с кем и уточнить различные моменты здесь, а уже затем отправляться с вами в район, – пояснил Дронго. – Из моего опыта сыщика я знаю, что в любом расследовании очень важно прояснить ситуацию, которая могла иметь место до совершения возможного преступления. Если сделать верный анализ всех событий, предшествующих возможному преступлению, то будет гораздо легче вычислить, что именно произошло с вашей дочерью. Кому она могла помешать или кто мог желать ее смерти. Если это действительно преступление.

– У вас есть сомнения? – спросил нахмурившийся Мурадбеков.

– А у вас их нет? – в свою очередь задал вопрос Дронго.

Наступило тяжелое молчание. Мовсум смотрел на отца.

– Наверное, есть, – наконец мрачно признался Бахрам. – Знаете почему? Я не верю, что она упала сама. Это правда. Но еще больше я не верю, чтобы кто-то хотел ее гибели. Она была таким добрым, светлым и отзывчивым человеком. Никто не смог бы поднять на нее руку. Никто. – Голос у него дрогнул. Ему было больно и обидно.

– Вы говорили с ее мужем на эту тему? – уточнил Дронго.

– Два раза разговаривали. Он тоже в тяжелом состоянии.

Я вижу, как он переживает. Этибар ее по-настоящему любил. Ее нельзя было не любить, – добавил Мурадбеков.

– Если вы так убеждены в том, что никто не мог желать вашей дочери смерти, то, возможно, с нею действительно произошел несчастный случай. Иногда со скал падают и очень хорошо подготовленные люди.

– Не знаю, что вам сказать. Может, от горя мы все немного потеряли способность к рациональному мышлению, – признался старый Бахрам. – Мать чуть не сошла с ума от горя. Найдите возможного преступника или убедите нас, что она сорвалась сама и это был несчастный случай. Я выплачу ваш гонорар в любом случае. И если это на самом деле был несчастный случай, то постарайтесь убедить меня и ее мать в том, что Самира действительно сама упала со скалы. Возможно, так распорядился Аллах, и мы ничего не можем с этим поделать.

– Я вас понимаю, – тихо ответил Дронго. – И я постараюсь сделать все, что смогу.

Бахрам опустил голову. Он молчал еще несколько секунд и, наконец, подняв голову, посмотрел на собеседника.

– Родители не должны хоронить своих детей, – убежденно произнес он. – Вы ведь знаете нашу старую поговорку: «Чтобы тебе упокоиться и быть похороненным на плечах своих детей». Наверное, это самое лучшее пожелание, какое можно сказать любому человеку – достойно умереть, и чтобы тебя в последний путь проводили твои близкие и родные. Я был

уверен, что гроб с моим телом понесут мой сын и три моих зятя. А получилось...

Дронго молчал.

– Мы попросили разрешения у Хаквердиевых похоронить Самиру у нас в Баку на кладбище. В столице есть место у Волчьих ворот, где мы еще десять лет назад купили большой участок. Там похоронен мой брат Маир Мурадбеков. Вы, наверно, слышали, он был известным министром в нашем правительстве...

Дронго кивнул.

– И еще наша мать. Ей было уже далеко за восемьдесят, и она умерла за год до смерти Маира. Хорошо, что они не дожили до такой трагедии с Самирой. Сейчас она лежит там рядом со своим дядей и бабушкой. Я завещал похоронить и меня на этом кладбище, рядом с ней.

Кладбище у Волчьих ворот считалось самым престижным в городе. Кроме Пантеона, где были похоронены самые выдающиеся граждане Азербайджана, существовало еще второе почетное кладбище, где хоронили известных людей. А место, о котором говорил Бахрам Мурадбеков, считалось самым престижным и находилось сразу за вторым почетным кладбищем. Участки в этом месте иногда стоили как отдельная квартира. Некоторые нувориши даже покупали большие участки заранее. Были и другие, кто умудрялся даже при жизни ставить памятники самим себе и своим близким, чтобы заранее обеспечить себе не только хорошее место на

кладбище, но и установить хорошую скульптуру, что категорически противоречит всем мусульманским канонам, согласно которым на могиле можно устанавливать только камень, который со временем должен уйти в землю и исчезнуть. Но новые времена и новые нравы меняли даже такие традиции. Дронго всегда помнил шутку своего отца о людях, которые так торопятся на кладбище, что заранее ставят себе там памятники и выбирают подходящие участки. Однако Дронго сам похоронил своих родителей на этом же кладбище, купив на нем за солидные деньги участок, хотя все его родные и близкие со стороны матери были похоронены на кладбище в одном из бакинских поселков, называемых Пиршаги, где покоилось около сорока его самых близких родственников. Родственники отца были похоронены в Карабахе, в Агдаме и в Шуше, и он знал, что во время оккупации этих районов соседним государством кладбища были разорены и многие могильные плиты повреждены или уничтожены. И это была боль их семьи, о которой они никому не рассказывали. Дронго помнил, как переживал его отец после падения Агдама, где были похоронены самые близкие родственники, включая деда, которого отец так любил. Всю оставшуюся жизнь Дронго будет чувствовать эту невольную вину перед ушедшим отцом из-за потери могил его близких в той проклятой войне. Всю жизнь, пока Агдам, наконец, не освободят и он сможет посетить разоренное кладбище.

– У вас есть фотография дочери? – спросил Дронго.

– Да. – Голос у его собеседника дрогнул. – Я почему-то взял ее фотографию. Подумал, что вы захотите на нее посмотреть.

Он достал из внутреннего кармана фотографию и протянул Дронго. Красивая молодая женщина в коротком платье обнимала отца за шею. Он вернул ее Бахраму.

– Я попытаюсь раскрыть тайну смерти вашей дочери, – печально произнес Дронго.

– Спасибо, – старик тяжело поднялся со своего места.

Следом поднялись Дронго и Мовсум.

– Не знаю, как вы будете работать или искать возможного убийцу, – сказал на прощание Бахрам. – Не знаю, как вы сможете доказать нам с матерью, что с Самирой, возможно, произошел несчастный случай. Но я знаю, что нашел нужного человека, который сможет нам всем помочь разобраться в этой ситуации. Удачи вам. Мовсум пришлет на ваш телефон все номера наших мобильных.

Он протянул руку. Рукопожатие было крепким. Прихватив трость и опираясь на руку своего сына, старый Мурадбеков, прихрамывая, пошел к выходу. Мовсум кивнул на прощание. Дронго проводил их долгим взглядом.

Глава четвертая

Получив список номеров телефонов, Дронго позвонил мужу погибшей женщины. Услышал глухой голос.

– Слушаю вас.

– Добрый день! – поздоровался Дронго. – Я говорю с господином Хаквердиевым?

– Да. Вы, видимо, тот самый эксперт, о котором мне рассказал Бахрам-муэллим. Он мне звонил.

– Очень хорошо. Где я могу с вами встретиться? Нам нужно поговорить.

– Да, я понимаю. Я сейчас на работе в министерстве. Примерно через час у меня будет перерыв. Если хотите, я подъеду, куда вы скажете. Но у меня будет мало времени.

– Давайте сделаем иначе. Я знаю, где находится Министерство экологии. Лучше я приеду к вам, и мы встретимся где-нибудь в кафе рядом с вашим зданием, чтобы у нас было больше времени на переговоры и вы еще успели бы пообедать.

– Я не обедаю в нашей столовой, – резко возразил Этибар, – поэтому у нас будет больше времени.

– Тогда договорились.

В назначенное время Дронго стоял у Министерства экологии, ожидая, когда из здания выйдет муж погибшей Саиры. Этибар оказался высоким, худощавым молодым мужчиной с

торчащим кадыком, узкими плечами и немного вытянутым лицом. Крупный нос с горбинкой, тонкие губы, угрюмые глаза. Он не стал протягивать руки при знакомстве. Только кивнул в знак приветствия.

Недалеко от здания министерства было небольшое кафе, и мужчины направились туда, чтобы побеседовать, сидя за столиком. Несмотря на то, что заведение называлось «кафе», мужчины в нем чаще пили чай, чем кофе. И традиционная культура общения предполагала встречу мужчин именно в чайхане, где можно было спокойно побеседовать. В прежние времена женщины даже не входили в подобные заведения, которые считались чисто мужскими. Но в последние годы в городе вместо традиционных чайных появились многочисленные кафе, в которых можно было встретить и представительниц прекрасного пола. Но беседы велись именно за столом, так как в традициях Востока нельзя вести серьезный разговор, гуляя по парку или сидя в машине.

Мужчины попросили принести им чай и уселись за свободный столик в углу. Этибар испытующе взглянул на своего собеседника.

– Вас пригласила семья Мурадбековых. – Это был не вопрос, а скорее утверждение.

– Нет, – ответил Дронго, – я приехал на свадьбу и случайно встретил своих знакомых, которые попросили меня встретиться и с вашим тестем.

– И вы согласились расследовать обстоятельства смерти

Самиры?

– Пока нет. Я сказал, что сначала должен получить ваше согласие и согласие вашей семьи на подобное расследование.

Принесли чай. Этибар положил в стакан дольку лимона. Дронго воздержался от лимона.

– Вам так важно наше согласие? – мрачно осведомился Хаквердиев.

– Конечно. Иначе моя поездка будет ненужной и не очень результативной.

– И поэтому вы пришли получить мое согласие?

– Безусловно. Я считал, что иначе не стоит вообще соглашаться на подобное расследование.

– Прошло уже несколько месяцев. И вы считаете, что сможете найти какие-то новые факты? – угрюмо поинтересовался Этибар.

– Пока не знаю. Я еще не был на месте трагедии и даже не приступил к поискам. Сначала мне нужно было встретиться с вами и узнать ваше отношение к моему возможному вмешательству в дела вашей семьи.

– Какое может быть отношение? – недовольным голосом произнес Этибар. – Мы все знаем, что она погибла. И знаем, что она сорвалась со скалы. Разные глупые слухи и сплетни я не хочу даже комментировать. Все это очень пошло и неприятно. Из нашей семейной трагедии делают шоу, которое нам всем очень неприятно.

– Вы против расследования?

– Почему против? Конечно, нет. Но не вижу в расследовании никакого смысла. Зачем ковыряться в душевной ране? – Он тяжело вздохнул.

– Бахрам Мурадбеков думает несколько иначе.

– Он ее отец.

Этибар некоторое время молчал, затем заговорил:

– Вы должны понимать, как он переживает. Самира была его дочерью. Младшей дочерью, которую он очень любил. И, конечно, ему очень сложно смириться с ее потерей. – Молодой мужчина вздохнул, закрыл глаза, словно собираясь с мыслями. Или пытаюсь успокоиться. Наконец открыл глаза и произнес: – Ему кажется, что можно найти виновного в смерти дочери. Но я уверен, что это было случайное падение и никакого убийцы Самира быть не может. – Голос у него предательски дрогнул.

– Чувства отца можно понять, – согласился Дронго.

– Поэтому я и встретился с вами, – кивнул Этибар, – чтобы не обижать Бахрама-муэллима. Нам всем тяжело. И всем плохо. Может быть, ему тяжелее всех. Или мне. Не знаю...

Он опустил голову. Было заметно, как он нервничает.

Этибар тяжело переживал трагедию, случившуюся в его семье, но старался держаться, не выдавая своих чувств. Он поднял голову.

– Но я лично не очень верю в такие расследования, – все-таки выдал Этибар. – Но ищите, если так нужно. Я не могу быть против расследования. Она была моей супругой больше

семи лет. А его дочь больше тридцати. Он имеет право требовать расследования.

– У вас были хорошие отношения?

– Нормальные. В каждой семье бывают свои «скелеты в шкафу». Бывают споры и разногласия. Но мы жили хорошо, и, конечно, мне очень... очень тяжело... что все так случилось. – Он неожиданно опустил голову и тихо заплакал.

Дронго молча ждал, пока он успокоится, не задавая ему вопросов. Наконец Этибар поднял голову.

– Извините. Я не должен так себя вести.

– Все нормально. – От внимания Дронго не ускользнул тот факт, что его собеседник сжал кулаки. Сыщик задал очередной вопрос: – Мне сказали, что вы увлекались альпинизмом и горными лыжами.

– Правильно сказали. У Самиры были некоторые проблемы по женской части, и мы в последние годы ездили в одну швейцарскую клинику. Там и приобщились к горнолыжному спорту. Было очень интересно. И еще занимались альпинизмом. Она вообще была человеком увлекающимся, мы оба занимались раньше теннисом. Ходили в горы на экскурсии.

– И такой подготовленный человек случайно сорвался со скалы.

Этибар встрепенулся. Нахмурился.

– Господин эксперт, вы же умный человек. Неужели вы никогда не слышали, что тонут обычно люди, которые умеют хорошо плавать. Кто не умеет плавать, просто не заплывает

далеко. В горах обычно гибнут альпинисты и горнолыжники, ведь обычный человек не полезет в горы. Возможно, она не рассчитала свои силы и сорвалась. Не знаю точно. А обращать внимание на глупые слухи не следует.

– Вы были с ней в Габале, когда это произошло?

– Если вы имеете в виду, что я был рядом с ней, то нет, не был. Но я, конечно, на выходные поехал с ней в Габалу к нашим родителям. Там у нас большой дом.

– Вы предупреждали родителей, что приедете к ним?

– Да, предупреждал. И всегда предупреждаю. Мы все занятые люди, и я всегда предварительно звоню, чтобы они знали, что мы приедем.

– Кто обнаружил тело вашей супруги? Извините, что я спрашиваю.

– Двое местных парней. Они служащие канатной дороги, и рано утром проходили по склону наверх, когда нашли Самиру.

– А вы ее не искали?

– Конечно, искали. Всю ночь. Но в наших горах бывает так темно по ночам, что ничего невозможно найти. Я просто сходил с ума. Боялся, что она подвернула ногу или где-то упала, а телефон разбился и ей не дозвониться. Она любила гулять одна. И мы не волновались сначала, думая, что она вернется к ужину. Она ушла, как только мы приехали и пообедали. Она не возвращалась, и мы начали ее искать. Я побежал туда, где она обычно гуляла.

– А что с ее телефоном?

– Он разбился при ее падении.

– Вы были дома все время?

– Я спал. Приехал уставшим и сразу после обеда лег спать, а Самира отправилась гулять. Нам обоим нравились эти места.

– Что было потом?

– Мы долго ее искали. Позвонили в полицию, и там подняли всех своих сотрудников. Подключили службу МЧС, пожарных. Но ночью не могли найти Самиру. А утром появились эти ребята с канатной дороги и сказали о том, что обнаружили молодую женщину. В полиции сказали, что она умерла сразу, как только упала. А телефон, как я уже сказал, разбился при падении; по времени, когда он перестал работать, и было установлено, что она сорвалась со скалы фактически сразу, как только ушла из дому.

– А почему вы отпустили ее одну?

– Я же сказал, что ей нравилось гулять одной. И потом, в районе все знают нашу семью. В Габале вообще всегда было безопасно и комфортно. Поэтому мой отец приобрел там участок еще двадцать лет назад. А в последние годы Габала просто расцвела. Вы же знаете, кто стал депутатом Милли меджлиса от Габалы. Он столько сделал для этого города и всего района. Там появилось много прекрасных отелей, ресторанов, даже известный футбольный клуб, которым руководит внук этого депутата. В общем, мой отец сделал пра-

вильный выбор. Нам всем там очень нравилось. Тем более что отец работает в Исмаиллах, это соседний район с Габалой. Очень удобно. Родители все время там живут. Никто не мог даже предположить, что наше пребывание в Габале закончится трагедией.

– А если предположить невозможное: то, что там кто-то был. Как вы думаете, кто мог бы оказаться рядом с вашей женой? Может быть, у вашей семьи были враги или недоброжелатели?

– До такой степени, чтобы столкнуть мою жену? Нет, не думаю. Какие враги или недоброжелатели? Может, и есть те, которые нам завидовали, особенно после свадьбы моей младшей сестры. Но не до такой степени, чтобы убить мою жену.

– При чем тут ваша младшая сестра и ее свадьба?

– Вам не сказали, – сообразил Этибар. – В прошлом году была свадьба моей младшей сестры с сыном заместителя министра внутренних дел Мамедовым. На некоторых сайтах даже написали, что мы теперь один из самых влиятельных кланов, учитывая, что моя другая сестра замужем за нашим послом в Прибалтике, а я был женат на племяннице Маира Мурадбекова и дочери Бахрама Мурадбекова. В общем, писали обычные глупости от зависти.

– На сайтах вообще пишут иногда всякую чушь, – согласился Дронго, – как и в социальных сетях. Можно выдать любую выдумку за интересную новость и оформить ее таким

образом, чтобы все поверили в эту ложь. Смешать немного правды с полуправдой, и получается отличный «винегрет», который подается читателям как отличное блюдо.

– Таких примеров сколько угодно, – подтвердил Этибар.

– Но даже такое поведение еще не основание, чтобы кого-то толкать со скалы. В горах, конечно, нет камер, но можно ли было отследить ее путь в горы с того момента, когда она вышла из дома? Может быть, кто-то шел за ней.

– Следователи проверяли, – вспомнил Хаквердиев. – Ничего не обнаружили. В Габале горы примыкают прямо к городу, и там сложно кого-то вычислить или увидеть. Достаточно пройти сто или двести метров, чтобы увидеть прямо перед собой горы.

– Да, вы правы. Я это помню. Удивительно красивые места. И, конечно, очень жаль, что все так произошло.

Этибар отвернулся.

– Вы не против, если я все-таки поеду и попытаюсь разобраться на месте, что же все-таки произошло? – спросил Дронго. – Поеду хотя бы для того, чтобы успокоить родителей вашей супруги.

– Поезжайте, – согласился Хаквердиев. – Я позвоню своему отцу, чтобы вам помогли. Когда вы хотите поехать?

– Завтра или послезавтра. Я еще хотел бы зайти в институт, где работала ваша супруга.

– Для чего? – не понял Этибар. – Какое отношение имеет ее работа к этой трагедии? Вы думаете, кто-то из сослуж-

живцев ее не любил так сильно, что приехал в Габалу, чтобы сбросить ее со скалы? Вам не кажется это фантастичным?

– Кажется. Но я пойду туда для того, чтобы узнать о других нюансах, на которые вы могли не обратить внимания...

– Такого не могло быть, – чуть повысил голос Хаквердиев. – Я знаю все о своей супруге. И никто лучше меня не может об этом знать. Она делилась со мной абсолютно всем. У нас не было никаких тайн друг от друга.

– Прекрасно.

– Поэтому и не нужно никуда ходить. Можете уже завтра поехать в Габалу и встретиться с моими родителями. Только учтите, что мама болеет, у нее слабое сердце, и ее лучше не нервировать ненужными расспросами.

– Я вас понял. Спасибо за информацию. Обязательно зайду к вашим родителям. А вы не собираетесь туда?

– Пока нет, – мрачно ответил Этибар. – У меня слишком много дел в городе. Пока я не собираюсь туда ехать. И не хочу. Слишком свежи воспоминания.

– Понятно. Примите еще раз мои соболезнования. – Дронго поднялся и сам протянул руку мужу погибшей.

Этибар пожал ему руку. Было заметно, что он недоволен и этим разговором, и желанием эксперта побывать в институте его погибшей жены.

Дронго вышел на улицу и достал мобильник. Набрал номер телефона Мовсума.

– Хотел уточнить у вас, – начал он, когда тот ответил на

звонок. – Ваша младшая сестра работала в педагогическом институте. Наверное, ее туда кто-то устроил. У вас есть в этом институте знакомые или родственники?

– Проректор института наш родственник, – вспомнил Мовсум. – А откуда вы узнали, что он помогал ей устраиваться на работу.

– Как же без этого, – загадочно произнес Дронго. – Местные традиции. Родственники и знакомые помогают друг другу. Или вы сами попали в налоговую службу случайно?

– Нет, – рассмеялся Мовсум. – У нас нельзя случайно попасть в Министерство налогов или в таможню. Нужна протекция.

– Я понимаю, очень ответственная работа, – весело заметил Дронго. – Можете позвонить вашему родственнику и попросить его о протекции для меня? Как его зовут?

– Салман Пириевич Сеидов, – сообщил Мовсум. – Сейчас я постараюсь найти номер его телефона и перезвоню ему.

– Договорились.

Дронго прождал довольно долго, около получаса, пока, наконец, ему не перезвонил Мовсум.

– Он был занят на кафедре и не отвечал на мои звонки. Я предупредил его, что вы приедете, и он вас ждет. Вы знаете, где находится институт?

– Конечно, знаю. Если все будет нормально, то уже завтра мы поедем с вами в Габалу.

– Хорошо. Я буду ждать вашего звонка, – ответил Мурад-

беков.

Дронго повернулся, чтобы выйти к зданию Милли меджлиса и спуститься вниз на набережную, держа путь к корпусу педагогического института. Вскоре он приблизился к нужному ему зданию.

Его уже ждали у дверей. Совсем молодая особа, очевидно студентка, провела его к кабинету проректора. Салман Сеидов оказался человеком невысокого роста, пузатым, с суетливыми быстрыми движениями, круглой головой и коротко остриженными волосами. Он доходил Дронго до груди. Энергично потряс ему руку и пригласил гостя за стол. Секретарь тотчас внесла чай, коробку шоколадных конфет, сахарницу, печенье, бисквиты, нарезанный лимон. Сеидов с радостным видом кивал, предлагая угощение, но не начинал серьезного разговора до тех пор, пока секретарь не вышла из кабинета. Сказывалась многолетняя привычка к осторожности.

– Мне звонил Мовсум, – радостно подтвердил Салман Пириевич, – и я готов оказать вам любую помощь. Он назвал мне такое странное имя.

– Меня обычно называют Дронго.

– Да-да, такое не совсем привычное для уха жителей нашей страны имя. Вы приезжий? Вы так хорошо говорите по-азербайджански.

– Нет. Я местный.

– Я так и подумал. Мовсум попросил меня вам помочь, и

я готов оказать вам посильную помощь.

– Спасибо, – кивнул Дронго. – Я хочу поговорить о педагоге, которая работала у вас. О погибшей Самире Хаквердиевой. Она ведь работала в вашем институте?

– Да, – кивнул Сеидов, всплеснув маленькими руками. – Такая ужасная история. Кто бы мог подумать, что такое может произойти? Ужасно, просто ужасно. Она работала у нас. Я принимал ее на работу, еще когда она пришла к нам совсем молодой. Очень толковая и умная женщина была. И я был на ее свадьбе с Этибаром Хаквердиевым. Такая была свадьба, на весь город. Он ведь сын самого Михаила Хаквердиева. И вот ужасный несчастный случай. У меня в том районе работает сын, и когда он сообщил мне о смерти Самире, я даже поначалу не поверил. Вы знаете, подобные несчастные случаи выбивают нас из привычного ритма жизни...

Он мог говорить еще долго, но Дронго решил его перебить.

– Где именно она у вас работала?

– На кафедре немецкой литературы, – ответил Сеидов. – Она и немецкий язык хорошо знала. Такая была умница.

– Кто там заведующий кафедрой?

– Рахиль Михайловна Минц. Потрясающая женщина. Наша легенда. Ей уже за восемьдесят, но она все еще работает.

– Вы можете пригласить ее к нам?

– Да, прямо сейчас. – Он поднял трубку, набирая номер телефона заведующей кафедрой. Услышав ее голос, попро-

сил: – Рахиль Михайловна, вы можете зайти ко мне прямо сейчас. Да, я вас жду. – Он положил трубку телефона и взглянул на гостя. – Она очень известный ученый. Вы знаете, недавно институт Гёте даже вручил ей какую-то награду. Ее все время приглашают приехать в Германию. Наверно, немного смешно: еврейка, которую очень уважают в Германии и которая так хорошо знает немецкую литературу, – пошутил Салман Пириевич.

– Между прочим, Лион Фейхтвангер был евреем, – melancholично заметил Дронго. – И Стефан Цвейг тоже.

– Я знаю об этом, – сказал Сеидов.

– А у погибшей были подруги?

– На кафедре очень хороший и здоровый коллектив, – ответил Салман Пириевич, – но вам лучше задавать такие вопросы Рахиль Михайловне. Она работает на кафедре уже почти шестьдесят лет. Сразу после войны приехала с мужем к своей тете, которая жила здесь. Тетя была известным детским врачом. А вот Западная Украина, откуда они приехали, сразу после войны была в таком состоянии, что там невозможно было жить. Можете себе представить, что ее дети, внуки и даже правнуки живут в Израиле и Германии. А она не хочет уезжать из Баку. Говорит, что здесь могила ее мужа и Баку ее родной город. Не хочет никуда уезжать. Вы можете не поверить, но ее тетя училась в Баку с самим Ландау. Вы, наверное, слышали о таком физике, лауреате Нобелевской премии?

– Слышал, – улыбнулся Дронго. – Более того, в его доме жил мой учитель истории Марк Абрамович Бернштейн, который готовил меня к экзаменам в университет. На доме есть вывеска, что в нем жил Ландау. Многие физики считают, что по-настоящему великими были Ньютон, Эйнштейн и Ландау.

– Три еврея, – снова всплеснул своими маленькими руками Салман Пириевич. – Вот так бывает в жизни. Даже обидно. Почему они все такие умные?

– А мне не обидно, – возразил Дронго. – Мне кажется, что все педагоги мира и все родители должны учиться у этого народа умению воспитывать детей. Они знают какой-то секрет, как воспитывать детей, как нужно их учить и обучать.

– Это просто такая всемирная мафия. Они все время поддерживают друг друга, – попытался возразить Сеидов.

– Что мешает другим народам делать то же самое? Нет, дело совсем в другом. Я могу узнать, в какой школе вы учились, уважаемый Салман Пириевич? Где расположена школа?

– В Агдаше.

– В сельском районе, – понял Дронго. – Наверно, в вашем классе не было евреев. Они жили в основном в крупных городах и в Кубе, где до сих пор в Красной Слободе компактно проживают горские евреи. А я учился в русскоязычной школе в центре Баку, в которой в каждом классе были еврейские мальчики и девочки. Так вот. Если в классе был хо-

тя бы один еврей, то этот школьник обязательно изучал иностранные языки, ходил на музыку и читал книги. Понимаете, как правильно евреи воспитывают своих детей. И всему миру нужно у них этому учиться. Но вместо этого процветает массовый антисемитизм, который идет от постыдной ущербности.

Сеидов открыл было рот, собираясь что-то возразить, но в этот момент секретарь сообщила по селектору о том, что Рахиль Михайловна ждет в приемной. Салман Пириевич распорядился ее впустить и, поднявшись с места, побежал к дверям.

В кабинет вошла пожилая женщина с хорошо уложенными седыми волосами. Худая, подтянутая, в строгом сером костюме, она выглядела гораздо моложе своих лет. Гостья поправила очки.

– Вы меня вызывали? – спросила она.

– Да-да. Садитесь, Рахиль Михайловна, – суетливо предложил Сеидов. – Я рад вас видеть. С вами хотел поговорить наш гость. Его зовут... В общем, вы можете называть его господином Дронго.

Она с интересом посмотрела на гостя. Уселась напротив него, поправила очки.

– Вы тот самый эксперт, о котором так много говорят? – уточнила Рахиль Михайловна.

– Не знаю, что именно говорят, но я действительно эксперт.

– Не кокетничайте, – строго произнесла пожилая женщина. – Вы прекрасно знаете, что в нашем городе очень многие слышали о ваших приключениях. Надеюсь, что вы приехали сюда не из-за меня. Преступницей себя никогда не чувствовала.

– Только свидетелем, – улыбнулся Дронго. – Дело в том, что на вашей кафедре работала погибшая Самира Хаквердиева.

– Я так и решила, – кивнула Рахиль Михайловна. – Такое дикое событие. Кто мог подумать, что она сорвется с этой скалы или горы, я точно не знаю, откуда именно она упала. Меня пригласили на поминки в мечеть, и я, конечно, пошла. Хотя, как вы понимаете, я не мусульманка.

– Вы хорошо ее знали?

– Неплохо.

– Можете ее охарактеризовать?

– Она была грамотным, начитанным специалистом. Часто ездила в Германию, Швейцарию, Австрию. Совершенствовала язык и свои знания. Была очень контактным человеком, довольно либеральным педагогом. Не могу сказать, что она была самым дисциплинированным сотрудником. Могла опоздать или вообще не прийти на работу, за что ей часто доставалось от меня. Но подруги ее любили. Она обычно была душой компании, когда мы отмечали какие-то события на кафедре.

– Какие у нее были отношения с мужем?

– По-моему, нормальные. Она была разумным человеком. Сама из обеспеченной семьи. И муж был не самым бедным человеком. В отличие от обычных богатых дурочек она понимала, что ей повезло больше, чем остальным. И ценила эту жизнь. Для этого нужно читать книги и иметь мозги.

– Ценить – это еще не значит любить.

– Прекратите, – поморщилась Рахиль Михайловна. – Сейчас все стали очень прагматичными, даже очень молодые женщины. Времена романтической любви давно закончились. Все понимают, что для нормальной жизни нужен не бездомный Ромео, которого выгнали из города, а богатый Тибальт, которого так любят его родные. И я понимаю наших девочек.

– Я думал, что старшее поколение еще хранит романтические традиции.

– Старшее поколение хочет понимать своих детей и внуков, – пояснила Рахиль Михайловна. – Когда моя старшая внучка выходила замуж, она позвонила мне и сообщила, что сделавший ей предложение американский бизнесмен на шестнадцать лет старше ее. Он чуть ниже ее ростом, был дважды женат, имеет пятерых детей и лысый, простите за такую пикантную подробность. И вы знаете, что я ей посоветовала?

– Выйти за него замуж?

– Конечно. Не раздумывая. Он был в нее влюблен. Сейчас они женаты уже пять лет, у них двое детей и свои дома в Америке, Германии и России. А еще она отдыхает на своей

яхте. Зато другая внучка вышла замуж за бедного еврейского парня, который работает в исследовательском институте в Израиле. Я думаю, что со временем он получит Нобелевскую премию и станет всемирно известным ученым. Но пока они живут на свои скудные зарплаты, и родители постоянно помогают их семье. У них небольшая квартира и маленький ребенок. Вот такие сегодня реалии, господин эксперт.

– И вам они нравятся?

– Нет. Совсем не нравятся. Но мы живем сегодня и здесь, и выбирать не приходится. Сегодняшние молодые люди более прагматичны. И не только девушки, но и парни.

– У Самиры были близкие подруги, с которыми она тесно общалась?

– Я думаю, что Эльвира, – неожиданно сообщила Рахиль Михайловна. – В последнее время они все время были вместе. Кстати, Эльвира сейчас в институте. Вы можете переговорить и с ней.

Дронго понимал, о какой Эльвире идет речь. Это была та самая особа, с которой он встречался на свадьбе. Родственница Наили Керимовой. Он посмотрел на хозяина кабинета.

– Позвать Эльвиру, – оживился Сеидов.

– Нет, – ответил Дронго. – Будет лучше, если я сам с ней поговорю, и без свидетелей. Я лучше пройду с Рахилью Михайловной, и она покажет мне, где находится ее кафедра.

– Пойдемте, – согласилась пожилая женщина.

– Если понадобится моя помощь, – напомнил Салман Пи-

риевич, – обращайтесь.

– Спасибо, пока не нужно. – Дронго поднялся следом за заведующей кафедрой, и они вышли из кабинета.

Когда шли по коридору, Рахиль Михайловна взглянула на Дронго и неожиданно негромко спросила:

– Вас не удивила моя позиция по моим внучкам?

– Немного, – признался Дронго. – Получается, что вы верите только в силу золотого тельца и не верите в силу любви.

Она покачала головой и грустно улыбнулась.

– Мы прожили вместе с мужем пятьдесят шесть лет, – сказала Рахиль Михайловна, – и я знаю, что такое верность и настоящая любовь. Но были нюансы, о которых я не стала распространяться. В первом случае будущий муж моей старшей внучки развелся со своей женой. И готов был даже взять своих детей в новую семью. А такой человек не может быть истинным адептом золотого тельца. А во втором случае моя младшая внучка была уже на пятом месяце беременности, и советовать ей сделать аборт я не могла решиться. К тому же молодой человек ее очень любил. Вот и два небольших нюанса. А вы решили, что я старая еврейская карга, ставящая деньги выше любых чувств.

– Ничего я не решил, – возразил Дронго. – Достаточно было увидеть вас и услышать ваши высказывания, чтобы все понять.

– Польщена, – кивнула пожилая женщина. – Вот мы и пришли. Здесь наша кафедра. – Она открыла дверь и вошла в

просторное помещение.

Глава пятая

За столиками сидели четыре незнакомые женщины, которые громко спорили. Увидев входивших, все поднялись со своих мест. Дронго тотчас узнал Эльвиру. Она была в темном брючном костюме. Волосы были собраны в узел на затылке. Увидев вошедшего эксперта, она не смогла скрыть своего изумления и тихо охнула. Остальные женщины тоже испуганно смотрели на незнакомца. Все понимали, что появление этого гостя может быть связано со смертью их коллеги.

– Девочки, это господин эксперт, который хочет побеседовать с Эльвирой, – громким и не терпящим возражений голосом произнесла Рахиль Михайловна.

– Извините, сначала я хотел бы побеседовать со всеми, – возразил Дронго. – Если возможно.

Рахиль Михайловна, пожав плечами, прошла в соседнее помещение, словно давая гостю простор для его экспериментов. Дронго взял стул, сел и огляделся.

– Извините, что обращаюсь к вам по такому не очень приятному поводу, – начал он, – но вы работали с погибшей и, наверное, лучше всех ее знали. Можно уточнить, каким человеком она была? И про ваши отношения с ней.

Все невольно взглянули на Эльвиру. Она чуть покраснела, прикусила губу. Но промолчала. Тогда другая женщина,

гораздо старше Эльвиры, ответила:

– Мы считали ее нашей подругой и коллегой. И у всех с ней были очень хорошие, ровные, дружеские отношения...

– Вы так сказали и следователю? – уточнил Дронго.

– Следователь сюда не приходил, – удивилась его собеседница вопросу. – Вы, наверное, знаете, что Самира упала в Габале, и на нашей кафедре ему нечего было делать.

– Мне кажется, что нужно было проверить все возможные версии, – возразил Дронго.

– Может быть, – согласилась педагог. – Но я не следователь и не прокурор. Поэтому не могу вам сказать, почему они нас проигнорировали. Но точно так же я не совсем понимаю смысла ваших вопросов. Никто из нас не ездил в Габалу и никогда там не был вместе с Самирой. Поэтому мы не сможем ничего сказать по этому поводу.

– Она была требовательным педагогом? – спросил Дронго.

– Я бы не сказала, – ответила женщина. – Скорее, наоборот, добрым. Я даже не помню, чтобы она кого-то срезала на экзаменах. Впрочем, вам лучше задавать вопросы нашей Эльвире. Они были подругами.

Все посмотрели на Эльвиру, и она снова покраснела.

– Наверное, вы правы, – спокойно произнес Дронго. – Может, мне действительно стоит поговорить только с Эльвирой. Если вы разрешите.

Женщины с шумом поднялись и прошли в другую комна-

ту. На этой кафедре были две большие комнаты, и из соседней стали раздаваться их голоса.

– Вы быстро меня нашли, – сказала Эльвира.

– Я решил последовать вашему совету и начать расследование этого несчастного случая, – сообщил Дронго. – Поэтому я здесь.

– Сообщаете мне эти сведения для того, чтобы я не слишком радовалась? – усмехнулась Эльвира.

– Нет. Чтобы вы просто понимали мои приоритеты. Итак, вы были ее лучшей подругой?

– Не лучшей, но подругой. Просто среди наших дам я была одного с ней возраста. И моя родственница Наиля училась с ней в одной группе. Этого было достаточно, чтобы мы подружились.

– Салман Пириевич тоже их родственник?

– В нашем городе все друг другу родственники, – рассмеялась Эльвира. – Но он действительно их родственник. Хотя, к счастью, дальний, несмотря на его попытки стать гораздо ближе.

– В каком смысле?

– Его сын пытался посвататься к Мурадбековым лет двенадцать назад, когда Самира была еще совсем молодой. Ее, конечно, за него не отдали.

– Почему? Это ведь нормально, когда сватаются родственники.

– Вы же видели Салмана Пириевича. Представьте, что сын

похож на него. Конечно, Самира сама не очень хотела за него замуж. Но, видимо, и ее родители тоже были не готовы к такому браку.

– Вы знаете что-то об этом несчастном случае?

– Конечно, нет. Если бы знала какие-нибудь подробности, то сразу бы рассказала обо всем ее семье. И я работаю здесь только на полставки. Моя основная работа в информационном центре.

– Тем не менее вас больше интересовали мои игры на Мадейре, чем мое возможное расследование. Вам не говорили, что вы довольно циничны, простите за такую резкость?

– Нет, не говорили, – нахмурилась Эльвира. – Наша Самира свалилась и погибла. А мы все живые. И меня попросили вас пригласить. Что я и попыталась сделать. Что касается Самиры, то она была очень хорошим человеком, и мне действительно искренне жаль было потерять ее. Но случилось то, что случилось. Остается только порадоваться, что не осталось детей-сирот. Понимаю, что звучит чудовищно, но мне кажется, что еще чудовищнее, когда маленькие дети остаются без мамы...

– Или без папы, – меланхолично заметил Дронго. – Ведь у вас есть дети?

– Да, два сына. А при чем тут «папы»?

– И давно вы разведены?

– Ясно. – Молодая женщина криво усмехнулась. – Навели справки о моей семье.

– Я даже не знаю вашей фамилии, – возразил Дронго. – Просто понял по некоторым незначительным деталям, что вы в разводе.

– Мы разошлись три года назад, – сказала с некоторым вызовом Эльвира. – Не сошлись характерами, как сейчас принято говорить; младшему было только четыре годика. Старшему шесть. И я совсем не жалею, что разошлась с мужем. Лучшей жить одной и получать удовольствие от жизни, чем вдвоем, но в одиночестве.

– Французский покер входит в число удовольствий? – с некоторой долей сарказма уточнил Дронго.

– Да, входит, – ответила она. – И если вы думаете, что с нами играют только разведенные женщины, то глубоко ошибаетесь. Среди наших членов клуба есть и замужние женщины, и даже бабушки, уже имеющие внуков.

– Им можно только позавидовать, – рассмеялся Дронго.

– Вот видите. Я надеялась, что вы меня поймете.

– Вы пока не ответили на мои вопросы.

– Я готова. Только я действительно абсолютно ничего не знаю. Меня даже не было в стране, когда произошел с Самирой несчастный случай. Я улетала в Киев на конференцию. Поэтому ничего нового я вам сообщить не смогу.

– А я не знаю и ничего старого. Поэтому начнем с основных вопросов, на которые вы можете помочь мне найти ответы.

– Задавайте, – кивнула она.

– Как вы считаете, у Самиры и ее мужа были нормальные отношения?

– Я бы даже сказала, очень хорошие. Вместе ездили отдыхать, вместе ходили в горы.

– Вы много раз встречались с ее мужем?

– Довольно много.

– Он мог быть ее убийцей? Чисто теоретически...

– Не думаю. Он ее любил.

– Может, ревность?

– У него не было поводов, – не очень уверенно произнесла Эльвира. – Она тоже его любила, – уже более уверенным голосом добавила женщина.

– Самира ходила играть с вами во французский покер? – уточнил Дронго.

– При чем тут ее игра в покер? – нервно спросила она.

Не нужно было иметь большую практику, какая была у Дронго, чтобы почувствовать ее волнение. Он молча смотрел на нее. И молодая женщина, не выдержав, сразу задала следующий вопрос:

– Почему вы так решили?

– Я только спросил.

– Нет, она не ходила, – все так же нервно произнесла Эльвира и отвернулась.

– Значит, ходила, – сделал вывод Дронго, произнеся эти слова вслух.

– Не нужно обвинять меня во лжи, – повысила голос Эль-

вира, и почти сразу голоса женщин в соседней комнате замолкли.

– Говорите тише, – попросил Дронго. – Они нас слышат. Эльвира в знак согласия кивнула.

– Приходила или нет? – настаивал Дронго.

Она взглянула на дверь, ведущую в соседнюю комнату.

– Говорите тише, – теперь уже попросила сама женщина. –

Им наверняка интересно, о чем мы говорим.

– Ваша свобода нравов заканчивается на пороге этой комнаты, – заметил Дронго. – Хотя можете и не отвечать. Я уже понял, что она приходила. Сколько раз?

– Два раза, – шепотом произнесла Эльвира.

– Муж мог узнать об этом?

– Нет. Она не играла до конца, – пояснила Эльвира, еще более понизив голос, – оба раза уходила. Не могла себя заставить остаться. Муж не имел права ее ревновать. Ничего предосудительного не было.

– Но он мог узнать о ее посещении клуба, и ему это могло не понравиться.

– Я же говорю, что ничего не было. – В глазах у молодой женщины проступил некий испуг. – Почему вы мне не верите? Клянусь вам, что ничего не было. Она приходила и оба раза почти сразу уходила.

– Значит, кроме игры бывает еще и продолжение? – понял Дронго.

– Это по желанию, – уклонилась от ответа Эльвира. – И

никто не отменяет джокера. Вы ведь сами играли в эту игру и должны знать правила игры в нее.

– Почему вы уверены, что муж не мог ничего узнать о посещении супругой клуба?

– Потому, что там никого не было. Я имею в виду мужчин. Наших мужчин.

– Что значит «наших»?

– То и значит. Там был консул одной европейской страны и друг нашей знакомой из Латвии. Он давно уехал в свою страну, а консул покинул Баку еще в прошлом году.

– Можно уточнить, консул какой именно страны был у вас на игре?

– Можно, – ответила Эльвира. – Это был консул Голландии. Поэтому я и говорю, что наших мужчин там не было. А эти двое точно никому не могли рассказать о клубе. Мы даже имена изменили, и они ничего не могли о нас узнать, если бы даже и захотели.

– А какие отношения у нее были со своими родственниками?

– Потрясающие. Ее все любили. Просто обожали. Особенно отец.

– А с родственниками мужа?

– С ними у нее тоже были хорошие отношения.

– Судя по вашим коллегам, на работе у нее тоже были равные и нормальные отношения со всеми?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.